

ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ

РАСКАЗЫВАЕТ НИКОЛАЙ АКИМОВ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР

СРЕДИ пятисот профессиональных театральных коллективов Советского Союза Ленинградский театр комедии, где главным режиссером и художником работает Н. П. Акимов, считался славу «неожиданного театра». 70 спектаклей поставил Николай Акимов и 240 оформил как художник. Большинство из них были сюрпризы для зрителей. Даже повторяя классические спектакли, Акимов находил совершенно неожиданные решения. Одни из них принимались публикой с восторгом, другие с недоумением. Но зададим несколько вопросов о его творческом кредо самому Николаю Акимову.

— Театроведы в своих обзоях, говоря о вашем театре, непременно сопровождают его эпитетом экспериментальный. А Вы сами, Николай Павлович, рассматриваете ли свою работу только как экспериментальную?

— Останимся в стороне рецензий. Ценности и ценники и окончательные определяют время. И иногда то, что сегодня критики спасли именем эксперимента, завтра называется традицией. Но если историки, подводя итоги, назовут наш театр только экспериментальным, я и тогда не буду обижен. Как, пожалуй, не обидится и весь наш коллектив, включая и рабочих сцен, и осветителей. Мы все знаем, что поиски не всегда приносят только лазы и не всегда сразу дают окончательные решения. В современном репертуаре можно найти пьесы, повторяющие зады и по форме и по содержанию. Тут эксперимент ни к чему, тут проторченная дорога и спокойная удача. Но каждый раз, когда мы пробуете что-то новое, хотят вы этого или нет, получается эксперимент со всеми вытекающими из него последствиями — наездами на успех и отсутствием непрерывных гарантов успеха.

Мы с самого начала строили свой театр как экспериментальный, понимая, что эксперимент должен производиться не одним и не двумя людьми, а коллективом.

Спектакль «Дон-Жуан» Ей-рона наш театр ставил в совершенно неизданной манере, при которой некоторые акты по семь раз меняют свой характер в спектакле. Но они были подготовлены предыдущими опытами. Мы не жалеем времени и энергии на чисто опытную работу.

Если наука тратит огромные деньги на экспериментальную деятельность, которая не дает никаких «товаров», а только путь и открытия, то и в искусстве в пада надо включать такую деятельность, которая не всегда может соединяться с намеченнейшей практической задачей. Я считаю, что в каждом театре хорошо было бы иметь хотя бы одну работу в год, предназначенную для проверки чего-то такого, чего этот театр не делал раньше.

В области театрального искусства советской современности видно, несомненно, не все, в том числе и в классике. Ставить сегодня классический спектакль значит находить для великого старинного произведения форму воплощения на сцене, приемлемую для современного зрителя.

Сейчас многие считают, что театру предстоит борьба с мино?

— Новые времена — новые формы. На зрителя в огромной степени действует кино. И все то, что зрителе принимает в киноискусстве, делается для него обязательным,ходит в эстетический обиход не только кинозрителя, но и театрального зрителя.

Современные спектакли требуют уже новых форм драматизации и новых форм интерпретации этой драматургии. Алексей Островский, живя в мире, совершившем не похожем на наш, иначе опущал зрителя, чем опущает его современный драматург. Знайте, чтобы добиться максимального эффекта, надо ставить пьесы Алексея Островского из старорусского быта не этнографически, а в пересчете на современный быт и современную мораль, на актуальность.

Какие актуальные проблемы сейчас стоят перед вашим театром?

Проблемы выдвигаются живыми. Накопилось очень много актуальных проблем, которые не проникают в искусство и не решаются им. Наш театр ставит не только сугубо классические произведения с современными. Но и в тех и других мы берем актуальные проблемы.

Вот и сейчас мы работаем над двумя, с нашей точки зрения, интересными советскими пьесами. Это — пьеса Лунгина и Нусикова «Гусиное перо». Действие протекает в современной школе. Но, несмотря на такую «ограниченность», места действия, в ней затрагиваются много проблем, которые волнуют не одних наших школьников, а всех современных. Что же это пьеса о молодом поколении и его притиях мира своих старших братьев? Второй спектакль — пьеса по роману молодого драматурга Геннадия Никитина «Догоняю свой автобус». Здесь решается проблема того, как человек должен искать и находить именно свое место в сегодняшней жизни.

Одновременно мы работаем над классической, над драматическим спектаклем по «Балагану Огенину» Александра Муцкевича. Мы хотим восполнить техничес-

кий пушкинский роман без всяких следов той общезвестной оперы, по которой многие знают это произведение. Пушкин не писал оперного либретто, а написал произведение, создавшее эпоху в русской и мировой литературе.

— Часто можно слышать недоумение: «Почему Ваш театр комедии в основном занимается экспериментами в области драмы?»

— У нас есть пропасть. Нам сказать, что во всем мире название театра не определяет его содержания. Можно привести несметное количество примеров. Театр «Комедия фразес» знает как театр классической трагедии. Малый театр, хорошо известный в нашей стране, является одним из самых больших театров и коллективов. Поэтому стремление некоторых любознательных зрителей составить себе понятие о театре по его названию никогда не приведет к успеху. Такой крупный художественный организм, как театр Аркадия Райкина, называется театром миниматов.

— «Кино — театральная система? — Мы стараемся продолжать традиции не одной системы, а традиций лучших мастеров советского театра — Станиславского, Бахтинга, Мейерхольда, Тагрина.

— А что Вас привлекает при подборе репертуара?

— В репертуаре мы стремимся использовать ценности не только своей, но и зарубежной прогрессивной драматургии. Я вполне понимаю наши театры, когда они не ставят Бекета. Но считаю, что нам интересны некоторые произведения Ионеску, Макса Фриша и Дюренмана, в частности, спектакль «Физион», поставленный в нашем театре. Доказалось, что мы правильно выбрали эту пьесу, но разумеется, театральный театр, экспериментируя, должен выбирать наиболее близкие ему произведения.

— Сейчас советские театры увлекаются Брехтом. А Вам?

— Я люблю и очень ценно Брехта. Но не являюсь его поклонником, хотя внешне (я тут и пенимаю Ваш вопрос) может показаться, что пьесы Брехта как раз для нашего коллектива. Брехт является одновременно и драматургом и руководителем театра. У него была очень точно разработанная свою театральная система, для которой он писал свои пьесы. Наш театр, воспитанный на совершенно другой системе, не мог бы ставить пьесы Брехта, в корне их не перенимавший. Поэтому я не ставлю и не буду ставить пьесы Брехта. Однако, чрезвычайно радуюсь успехам моих друзей, в частности, меня восхищает спектакль «Карнавал» Альфреда У. Брехта в ленинградском Большом драматическом театре имени Горького. Этот спектакль сделан приглашенным польским режиссером, который, возможно, стоит ближе к системе Брехта.

— А Вы сами предполагаете пригласить зарубежных коллег?

— В нашем театре таких случаев не было, поскольку у нас слишком много собственных задач, которые мы не успели решить. Нам пока нет смысла уступать сценическую площадку для приглашенных, но я все же не зарекаюсь. Если бы завтра, скажем, Чаплин захотел у нас в театре поставить спектакль, я бы предоставил ему и труппу, и площадку любого эксперимента.

— Почему именно Чаплин?

— Я просто употребляю это имя, как нарочительное для режиссера-новатора. Наш театр открыл именно для таких режиссеров. Я сам всегда был за эксперимент и новые музыки, живопись. Я уверен, что без этого не будет расти наше искусство — искусство социалистического реализма и всю свою жизнь посвятил эксперименту.